

Владимир Кошечкин

Вторая передача

Владимир Кошечкин

Вторая передача

«Автор»

2026

Кошечкин В.

Вторая передача / В. Кошечкин — «Автор», 2026

Что делает мужчина, когда теряет всё? Когда любимая женщина погибает у него за спиной, а сам он прикован к больничной койке с переломанной ногой и приговором врачей: «Вы никогда не будете ходить»? Алексей Гордеев — шахтёр, добывающий уран глубоко под землёй. Он привык к опасности, к радиации, к тому, что смерть всегда рядом. Но главное испытание ждёт его не в забое, а на обычной дороге, когда мотоцикл, на котором они с женой возвращаются с озера, попадает под грузовик. Лена погибает. Врачи говорят: готовьтесь к инвалидной коляске. Он отвечает: я встану. Это история о мужчине, который заново учится ходить. А потом — заново учится жить. О двух сыновьях, оставшихся без матери. О женщинах, которые встретятся ему после потери, — и о той, единственной, которая поможет исцелить душу. Это роман о любви и предательстве, о падении и искуплении, о страшной цене ошибки и о мужестве её исправить. О том, что жизнь не заканчивается даже тогда, когда кажется — всё. ---

© Кошечкин В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Кошечкин

Вторая передача

Часть первая. Мальчик из Каменки

Глава 1. Река и небо

Алексей Гордеев родился в посёлке Каменка, затерянном среди южно-сибирской тайги так основательно, что даже на картах области его отмечали не всегда, а уж на дорожных атласах и подавно. Три улицы, вытянувшиеся вдоль быстрой речки с ледяной, даже в июле, водой, были единственными артериями этого крохотного мира. Дома стояли рубленые, из толстых, в обхват, сосновых брёвен, потемневших от времени и дождей, с резными наличниками, которые зимой заметало почти до крыш, а летом украшали герань и бархатцы в ящиках под окнами. На центральной, если можно так выразиться, площади — пыльный скверик с покосившимся памятником Ленину и колодец с длинным журавлём, который скрипел на весь посёлок, когда кто-нибудь набирал воду. Школа — одноэтажное здание с голубыми ставнями, медпункт, магазин-сельпо, где пахло керосином, хозяйственным мылом и карамелью, — вот и всё. Жизнь была простой, суровой и честной до самого доньшка.

Отец Алексея, Иван Трофимович, был из тех людей, о которых говорят — кремень. Невысокий, кряжистый, с узловатыми руками, похожими на корневища старой сосны, он сорок лет отработал на угольном разрезе в пятнадцати километрах от Каменки. Начинал откатчиком — толкал по узкоколейке вагонетки с углём, сбивая плечи в кровь, пока не привык. Потом выучился на взрывника и двадцать лет закладывал аммонит в шпур, слушая, как гора отзывается глухим уханьем на каждый взрыв. А к пятидесяти годам стал горным мастером — ходил по разрезу с неизменным планшетом, рисовал схемы, следил, чтобы порода не пошла не туда, и муштровал молодых. Дома он появлялся, когда солнце уже клонилось к закату, чёрный от въевшейся в поры угольной пыли, молчаливый, уставший так, что едва добирался до бани. Долго мылся, оттирая кожу мочалкой, а потом, чистый, распаренный, садился на завалинку, сворачивал самокрутку из обрывка газеты и самого дешёвого табаку и смотрел на тайгу. В эти минуты его лучше было не трогать — он думал о чём-то своём, шахтёрском, о чём не расскажешь словами.

Но иногда, в редком, хорошем настроении, он подзывал сына. Алексей, ещё мальчишка, бросал свои игры и бежал к отцу, усаживался рядом на тёплое от солнца дерево, и тогда Иван Трофимович начинал говорить. Негромко, с долгими паузами, но каждое его слово падало тяжело и веско, как кусок породы. — Земля, Лёшка, она справедливая. Что в неё вложишь, то и возмёшь. Она, понимаешь, живая. Дышит. У неё свой нор. Если ты к ней с уважением — она тебя примет. Поймёт, укроет. А если с дуростью, с ленью или жадностью — раздавит и не заметит. Запомни: не ленись, не бойся, не предавай. Остальное приложится.

Мальчик слушал, затаив дыхание, хотя не всё понимал. Но интонация, с которой отец это говорил, — глубокая, убеждённая, даже какая-то торжественная — впечатывалась в память намертво.

Мать, Мария Петровна, была полной противоположностью отцу. Мягкая, тихая, с вечно заботливым выражением на лице, она работала фельдшером в поселковом медпункте. Лечила простуженных шахтёров, принимала роды, ставила детям прививки, штопала раны, утешала старух. Её знали все до единого, и все любили — за доброту, за то, что никогда не отказывала, даже если вызывали среди ночи, в метель, за три километра. От неё пахло сушёными травами — ромашкой, чередой, зверобоем, — спиртом, карболкой и ещё чем-то неуловимо домашним, может, молоком, может, хлебом. Руки у неё были удивительно лёгкими и прохладными; когда

она трогала лоб больного, проверяя температуру, тому сразу становилось легче, словно само прикосновение несло исцеление.

Алексей был единственным ребёнком в семье. Мария Петровна долго не могла забеременеть — врачи говорили что-то о несовместимости, о слабом здоровье, советовали не надеяться. Но она надеялась и молилась. И когда наконец родила в тридцать пять лет, это сочли чудом. Может быть, поэтому она тряслась над сыном так, что порой душила его своей любовью: кутала в тёплые платки, заставляла есть кашу, запрещала далеко уходить в лес одному, поминутно проверяла, не вспотел ли, не замёрз ли. Алексей любил её всем сердцем, но именно поэтому вырывался — убегал на речку, на отцовский разрез, куда угодно, лишь бы подальше от её тревог. Ему казалось, что если он не вырвется сейчас, то никогда не станет самостоятельным.

Он рос крепким, любопытным, смыслённым мальчишкой. В школе учился без восторга, но и без труда — схватывал всё на лету, хотя учителя жаловались, что он витает в облаках и во время урока разглядывает не доску, а небо за окном. Особенно хорошо ему давались точные науки: математика, физика, черчение. Пространственное мышление у него было от природы — он мог мысленно развернуть любую фигуру, представить её в разрезе, начертить в уме сложный чертёж. Отец, увидев однажды его рисунок шахтного ствола, сказал: «Быть тебе горным инженером». И вроде бы поставил точку.

Но сам Алексей мечтал о другом. О небе. Лётчиком. Он зачитывался книгами о Чкалове, Громе, Кожедубе, о перелётах через Северный полюс, о воздушных боях и рекордах. Клеил из фанеры и бумаги модели самолётов, развешивал их под потолком, и они парили на нитках, покачиваясь от сквозняка. Часами лежал на траве за околицей и смотрел в небо, провожая глазами редкие самолётики, проплывавшие над тайгой серебристыми крестиками. Ему казалось, что там, наверху, человек по-настоящему свободен — ничто не давит, не сковывает, лети куда хочешь. Но в их посёлке не было ни аэроклуба, ни даже кружка авиамоделирования; ближайший город с аэродромом находился за триста километров. Мечта постепенно угасла — тихо, без надрыва, как гаснет лампа, в которой кончилось масло. Алексей перестал клеить самолёты и стал чаще ходить с отцом на разрез.

Сначала просто смотрел. Стоял на краю огромного карьера и заворожённо глядел, как внизу копошатся люди и машины, как грохочут взрывы и поднимаются облака серой пыли. Потом начал помогать — подавал инструмент, подметал бытовку, таскал ящики. Отец не гнал его, но и не хвалил — просто позволял быть рядом. И Алексей постепенно проникался особой, суровой романтикой горняцкого дела: запах угля и влажной земли, гул взрывов, отдающийся в груди, чёрные, усталые лица шахтёров, их неторопливые разговоры в курилке о жизни, смерти и породе. Он начал понимать, что земля — это не просто грязь, а целый мир, таящий в себе и опасность, и богатство.

Глава 2. Последнее лето

Последнее лето перед отъездом в институт выдалось долгим, жарким, с грозами, которые приходили по вечерам и обрушивали на Каменку потоки воды, мгновенно превращая улицы в реки. Солнце палило так, что трава на склонах выгорала до желтизны, а река обмелела настолько, что камни на перекатах обнажились и побелели.

Алексей работал на разрезе вместе с отцом — уже не просто помогал, а вкалывал наравне со взрослыми. Ворочал уголь лопатой, таскал ящики с инструментами, чистил технику. Его ладони покрылись мозолями, которые лопались и кровоточили, но он не жаловался. Вечером, придя домой, он валился на кровать и лежал, глядя в потолок, чувствуя, как гудят мышцы. Это была хорошая, честная усталость, которая приносила удовлетворение.

Мать готовилась к его отъезду загодя, за месяц. Перебирала его нехитрую одежду, штопала дыры, пришивала пуговицы, раскладывала по стопкам. Алексей, глядя на эти приготовления, смеялся: «Мам, я же не на войну, а в институт. Там всё есть, в городе!» Но она лишь

отмахивалась: «В городе, в городе... А кто о тебе там позаботится? Кто носочки заштопает, кто суп сварит?» Она положила в чемодан банку малинового варенья — от простуды, шерстяные носки собственной вязки — чтобы ноги не мёрзли в общежитии, и маленькую, тёмную от времени иконку Святителя Николая в медном окладе. «От бабушки ещё, — сказала она, заворачивая иконку в чистый льняной платок. — Храни тебя Господь, сыночек».

Вечером накануне отъезда они ужинали втроем. Мать приготовила пельмени — любимое блюдо Алексея — и даже достала из погреба солёные огурцы, приберегаемые для особого случая. Но сама почти не ела, только смотрела на сына, и в её глазах стояли слёзы, которые она украдкой вытирала концом платка. Отец, как всегда, молчал, но когда ужин закончился, вдруг сказал:

— Пойдём, Лёшка, посидим напоследок.

Они вышли на завалинку. Солнце уже село за тайгу, но небо на западе ещё светилось оранжевой полосой, и на этом фоне чёрными силуэтами вырисовывались сосны. В траве стрекотали кузнечики, от реки тянуло прохладой. Иван Трофимович свернул самокрутку, закурил, и долго молчал, глядя, как дым тает в воздухе. Потом заговорил — медленно, взвешивая каждое слово, словно отливая из металла.

— Ты теперь мужик, Лёшка. Сам будешь свою жизнь решать. Я тебе не указ. Но запомни три вещи. Первое: земля справедливая. Что в неё вложишь, то и возьмёшь. Это про работу. Второе: не предавай. Ни себя, ни людей. Один раз предашь — на всю жизнь запятнаешься, и не отмоешься. И третье: если встретишь свою женщину, держись за неё обеими руками. Настоящая женщина — это якорь. Без якоря мужика мотает по жизни, как щепку в половодье, и неизвестно, куда прибьёт. Понял?

— Понял, — тихо ответил Алексей.

— Ну и добро.

Они посидели ещё немного, а потом отец встал, хлопнул его по плечу своей тяжёлой ладонью и пошёл в дом. Утром Алексей уехал на попутном грузовике до станции, а оттуда — поездом в большой мир.

Глава 3. Дорога в новую жизнь

Поезд тронулся под тихий, мелодичный перестук колёс. Алексей сидел у окна в плацкартном вагоне, пропахшем углём, дешёвыми пирожками и креозотом, и смотрел, как мимо проплывают леса, поля, маленькие полустанки с одинокими скамейками. Вокруг суетились пассажиры — кто-то раскладывал снесь, кто-то играл в карты, кто-то просто дремал. Но он не замечал никого. Его переполняли чувства — страх перед неизвестностью, волнение, предвкушение чего-то огромного и важного. Он ехал в город, о котором знал только понаслышке, ехал учиться, становиться мужчиной, строить жизнь. Обратной дороги не было.

За окном постепенно менялся пейзаж. Тайга отступала, сменяясь перелесками, полями, посёлками побольше. На станциях поезд стоял по полчасу, и Алексей выходил подышать воздухом, купить у бабушек варёной картошки или пирожков. Он разглядывал людей на перронах — все они казались ему другими, городскими, знающими какую-то особую тайну жизни. Он чувствовал себя немного дикарём, но в то же время и гордился тем, откуда он родом.

На вторые сутки пути поезд начал приближаться к цели. Утром, когда солнце только только позолотило крыши, проводница объявила остановку. Алексей схватил чемодан, гитару в брезентовом чехле и вышел на перрон. И замер, оглушённый.

Город горняков был огромен. Четырёх- и пятиэтажные дома, асфальтированные улицы, трамвайные пути, гудки автомобилей — всё это обрушилось на него лавиной звуков и красок. Но сильнее всего поразил запах. Сладковато-тяжёлый, с примесью мазута, железнодорожной гари, разогретого гудрона и мелкой угольной крошки, которая висела в воздухе сероватой дымкой. Этот запах проникал в одежду, в волосы, в лёгкие. Позже Алексей узнал, что местные

жители давно перестали его замечать — приняхались. Но для него, выросшего среди сосновой смолы и речной свежести, он стал первым, самым главным знаком новой жизни.

Он взял себя в руки и пошёл искать Горный институт. Тот оказался серой громадиной сталинской постройки на центральной площади. Четыре массивные колонны у входа, широкая лестница с выщербленными ступенями, на которых, несмотря на ранний час, уже сидели студенты — курили, смеялись, листали конспекты. Алексей поднялся по ступеням, чувствуя себя песчинкой перед этим величественным зданием.

Вестибюль встретил его прохладой и запахом извести, смешанным с вездесущим угольным духом. Высоченные потолки с лепниной, мраморные полы, длинные коридоры, уходящие в загадочную перспективу. На стенах — портреты шахтёров-стахановцев, карта угольных бассейнов СССР, доска почёта. Алексей нашёл деканат, отстоял небольшую очередь, подал документы. Строгая женщина в очках, проверив бумаги, выдала ему направление в общежитие. Всё это заняло часа три, и к полудню он уже стоял перед общагой на проспекте

Строителей.

Общежитие было длинным пятиэтажным зданием с облупленным фасадом и вечно хлопающей входной дверью, которую не держала никакая пружина. На вахте, в крошечной остеклённой будке, сидела комендантша — суровая тётка с пучком седых волос на затылке и острым, всё подмечающим взглядом. Увидев Алексея с чемоданом, она поджала губы и строго произнесла:

— Новенький? Слушай правила: после одиннадцати вечера в общежитие никого не впускаю, хоть замёрзни. Курить только в форточку на кухне — увижу в комнате или в коридоре, выселю. Девушек после девяти чтобы духу не было. Комендантский час — святое. Нарушишь — вылетишь, и никакой декан не поможет. Понял?

— Понял, — ответил Алексей, стараясь звучать уверенно.

— То-то же. Комната твоя — четыреста двенадцатая, четвёртый этаж, прямо по коридору и направо. Соседи уже там, знакомься. И смотри мне, без фокусов.

Он кивнул, взял ключ и пошёл к лестнице.

Глава 4. Четыреста двенадцатая

Комната оказалась небольшой, но светлой благодаря единственному окну, выходящему на юг. Солнце заливало её почти весь день. Вдоль стен стояли три железные кровати с панцирными сетками, застеленные казёнными серыми одеялами. У окна — стол, заляпанный чернилами, выжженный сигаретами и исцарапанный ножом. В углу — платяной шкаф с перекошенной дверцей, которая держалась на одной петле, книжная полка и три разномастных стула: один без спинки, другой с подвязанной верёвкой ножкой.

Когда Алексей вошёл, в комнате уже сидели двое.

Первый — здоровяк с красным, обветренным лицом и большими, как лопаты, ладонями — сидел на кровати и чистил яблоко огромным складным ножом. Он поднял голову, оглядел Алексея с ног до головы и широко, открыто улыбнулся, показав щербинку между передними зубами:

— О, новенький! А я всё гадал, кто четвёртым будет. Витька Пашков, из Кузбасса. Слышал про такой? Там уголёк добывают, не чета вашему. Ты сам-то откуда?

— Алексей Гордеев. Из Каменки, это на юге Сибири, у чёрта на куличиках.

— Каменка? Не слышал. Но это ничего, я половины городов не слышал, хотя и географию уважаю. Главное — что ты не из столицы. У нас тут уже есть один такой, — он кивнул на второго.

Второй обитатель был полной противоположностью Витьке. Худой, почти прозрачный, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами, он сидел за столом и что-то быстро писал в толстой тетради в клеёночной обложке. На носу у него сидели очки с толстыми стёклами, кото-

рые он то и дело поправлял указательным пальцем. Не поднимая головы, он тихо, но отчётливо произнёс:

— Михаил Кацман. Из Москвы. Очень приятно. Я стихи пишу и на гитаре играю.

— Миша у нас поэт, — пояснил Витька с усмешкой, но без насмешки. — Настоящий, между прочим. И Высоцкого орёт так, что соседи стучат. Ты-то гитару приволок — стало быть, играешь?

— Немного, — смутился Алексей. — Три аккорда знаю, четвёртый подбираю.

— Ну вот и славно! Создадим ансамбль. Будем девчонок по вечерам завлекать. — Витька весело хохотнул.

Четвёртый сосед появился только на следующий день. Когда дверь распахнулась и в комнату шагнул высокий, статный парень с лёгкой, чуть ленивой походкой, за ним внесли два чемодана, магнитофон «Весна» и сумку с продуктами, которые выглядели как привет из другого мира: колбаса «сервелат», финское масло, шоколадные конфеты «Мишка на Севере». Одет он был в импортную джинсовую куртку и модные светлые брюки-клёш.

— Женя Королёв, — представился он, небрежно бросив чемодан на свободную кровать. — Из обкома. Ну, то есть не я сам — отец. А я просто учусь. Где тут у вас розетка? Мне магнитофон надо включить, «Битлз» послушать.

Витька присвистнул:

— Ничего себе! «Битлз» — это круто. А чего ты в горный-то пошёл, если папа в обкоме?

— А куда ещё? — пожал плечами Женя. — В МГИМО не взяли, в МГУ конкурс бешеный. А тут нормально — инженерная специальность, уважаемая. Тем более девчонки говорят, что горняки — самые мужественные. Вот, проверю.

— Девчонки не врут, — ухмыльнулся Витька.

Так, с шуток и знакомства, началась их дружба, которой предстояло пройти через десятилетия.

Глава 5. Студенческий быт

Первые недели учёбы пролетели как в тумане. Лекции, семинары, практические занятия, чертежи, конспекты. Алексей осваивался трудно — сказывался недостаток подготовки. В Каменке школа была маленькая, учителя — уставшие, программы — устаревшие. Здесь же, в институте, требовали серьёзно, и он поначалу плавал. Особенно тяжело давалась высшая математика: интегралы, дифференциалы, комплексные числа — всё это казалось ему китайской грамотой. Он часами сидел над учебниками в читальном зале, грыз ручку и чувствовал, как голова пухнет от непонимания.

— Не ссы, Лёха, — подбадривал его Витька по вечерам. — Я сам в этом плаваю, как пробка. Но у нас Мишка есть — у него башка светлая, он всё объяснит.

И действительно, Миша, тихий и незаметный днём, вечером преображался. Когда они втроём усаживались за шаткий стол, он раскрывал свои конспекты — аккуратные, исписанные бисерным почерком, с цветными схемами, — и начинал объяснять. Говорил он негромко, но удивительно доходчиво, находя простые слова для сложных понятий, приводя примеры, которые сразу укладывались в голове. У него был талант учителя, и он щедро делился им с друзьями.

Женька в учёбу особо не вдавался, но и не мешал. Он жил своей, отдельной жизнью: пропадал где-то по вечерам, возвращался поздно, иногда подшофе, от него пахло дорогим одеколоном, сигаретами и какой-то иной, недоступной им жизнью. Но он не задавался, не кичился положением отца. Иногда, видя, что друзья сидят голодные, он просто доставал из своей сумки припасы и выкладывал на стол: «Давайте жрать, а то вы тощие, как велосипеды».

Однажды, в конце сентября, он пришёл с двумя бутылками портвейна «три семёрки» и торжественно объявил:

— Пацаны, давайте знакомиться по-настоящему. А то живём в одной комнате, а друг друга толком не знаем. Кто вы, откуда, о чём мечтаете?

Они разлили мутный, сладкий портвейн по гранёным стаканам, закусили хлебом и колбасой, которую Женька извлёк из своих запасов. И разговорились. Витька рассказывал про Кузбасс, про то, как в тринадцать лет отец впервые взял его в шахту и он до смерти испугался темноты, но виду не подал. Про то, как мечтает стать начальником участка и выдать на-гора рекордную добычу. Миша, раскрасневшись от выпитого, читал свои стихи — о земле, о людях, о подземном огне, — и голос его, обычно тихий, звенел так пронзительно, что даже Витька перестал жевать. Женька рассказал о Москве, о приёмах в обкоме, о том, как его не взяли в МГИМО из-за еврейской бабушки, хотя официально, конечно, сказали «не прошёл по конкурсу». Алексей же говорил мало — больше слушал.

Ему нравилась эта компания, это братство, скреплённое не кровью, а общим бытом, общими трудностями и общим молодым весельем.

Под утро, когда портвейн был допит, а разговоры иссякли, они уснули — кто на кровати, кто прямо за столом, уронив голову на руки. И это была первая из многих ночей, которые они провели вместе.

Глава 6. Первый семестр

Дни становились короче, ночи холоднее. Начались дожди, сменившиеся первым снегом. В общежитии топили из рук вон плохо, и в комнате стоял такой холод, что утром вода в графине затягивалась тонкой ледяной коркой. Спали под двумя одеялами, в свитерах и шерстяных носках, прижимаясь друг к другу для тепла. Витька шутил, что они как пингины, только без яиц. Женька притащил откуда-то электрический обогреватель — запрещённый, конечно, — и они включали его по ночам, когда комендантша обходила этажи.

Учёба шла своим чередом. После трудного старта Алексей начал понемногу выравниваться. Математика, благодаря Мишиным стараниям, перестала быть врагом и превратилась в понятную, хоть и сложную, дисциплину. Черчение, наоборот, шло легко — пространственное мышление, развитое в детстве, помогало. На лабораторных по физике он чувствовал себя как рыба в воде. Преподаватели стали его замечать — особенно старый профессор Гордеев (однофамилец, не родственник), который вёл начертательную геометрию и говорил, что у Алексея «глаз-алмаз».

Тем не менее, не всё было гладко. Алексей скучал по дому. Иногда по вечерам, когда оставался один, он доставал из чемодана мамину иконку и смотрел на неё, вспоминая посёлок, реку, запах сосен. Ему не хватало родительского тепла, хотя он ни за что не признался бы в этом. Он писал им длинные, подробные письма — о городе, институте, друзьях, — и с нетерпением ждал ответа. Мать присылала посылки: варенье, вязаные носки, сушёные грибы, письма на нескольких страницах, где каждое слово дышало любовью. Отец не писал — он вообще не любил писем, — но иногда передавал через мать короткие записки с одним-двумя словами: «Учись, сынок» или «Держись».

В свободное время Алексей подрабатывал где придётся: разгружал вагоны на станции, мыл полы в столовой, помогал на кафедре разбирать коллекции минералов. Деньги были нужны — стипендии не хватало даже на самое необходимое. Но он не жаловался. Это была его жизнь, его выбор.

Глава 7. Спортзал, драки и разговоры

Физическая подготовка в Горном институте была на высоте. Шутка ли — будущие шахтёры, им нужно быть сильными. В спортзале, пропахшем потом и кожей, Алексей проводил немало времени. Он с детства был крепким, а теперь, работая с гантелями и на турнике, стремительно набирал силу. Витька, сам нехилый, хвалил его и звал на секцию бокса. Алексей пару

раз сходил, но быстро понял, что драться ради драки не любит. А вот качаться, чувствовать, как мышцы наливаются силой, — это ему нравилось.

Случались и конфликты. Студенческая среда — не сахар, и иногда вспыхивали ссоры, переходящие в потасовки. Одним из яблок раздора стала... Лена. Вернее, ещё до неё — девушки вообще. На втором этаже общежития жили студентки экономического факультета, и вокруг них вечно крутились парни. Однажды вечером, когда Алексей возвращался из библиотеки, он увидел, как трое старшекурсников пристают к двум девчонкам в коридоре. Девчонки отбивались, но парни не отставали. Алексей, не раздумывая, вмешался. Завязалась короткая, но жёсткая потасовка, в которой ему изрядно наставили синяков, но девчонок отстояли. Позже выяснилось, что одной из них была Светка — будущая подруга Лены и свидетельница на их свадьбе. С того случая в глазах девчонок с экономического Алексей стал героем, и это, как ни странно, сыграло свою роль в его судьбе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.